ЗАПИСКИ ИИМК РАН

• 2019 •

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 21. 176 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2019. No. 21. 176 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 21 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» публикуются аналитические разработки и материалы как новых полевых изысканий (статьи В. Е. Щелинского с соавторами, Н. С. Мясникова с соавторами, М. Е. Килуновской и П. М. Леуса), так и исследований прошлых лет (работы Л. Б. Кирчо, Л. С. Ильюкова, Ю. В. Степановой с соавторами). Статья А. Д. Резепкина и М. А. Кульковой представляет первые результаты петрографического анализа керамики майкопской и новосвободненской культур. И. Ю. Шауб продолжает изучение изображений античного Боспора, а С. В. Белецкий — серию аналитических публикаций древнерусских княжеских знаков. Важность введения в научный оборот архивных данных и музейных колекций многолетних раскопок в Старой Ладоге показана в статье В. А. Лапшина. В разделе «Из истории науки» воссоздана научная биография выдающегося отечественного исследователя древнегреческого искусства и античной археологии В. К. Мальмберга. В журнале представлены также материалы разделов «Дискуссия» и «Хроника».

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музееведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 21st issue of the "Transactions of IHMC RAS" presents the results of recent studies and discoveries in archaeology and ancient history. The section of Research Papers contains publications of both new (articles by V. E. Shchelinsky with coauthors, N. S. Myasnikov with coauthors, and M. E. Kilunovskaya with P. M. Leus) and old (articles by L. B. Kircho, L. S. Il'yukov, and Yu. V. Stepanova with coauthors) analyses and materials. A. D. Rezepkin with M. A. Kulkova present the first results of petrographic analysis of pottery from the sites of the Maikop and Novosvobodnaya cultures. I. Yu. Schaub continues his research into the iconography of Ancient Bosporus, while S. V. Beletsky proceeds with a series of publications devoted to the Old Russian princely symbols. The article by V. A. Lapshin is devoted to the archive materials and museum collections resulting from V. I. Ravdonikas's excavations at Staraya Ladoga. V. A. Goroncharovsky's paper included in the section "From the History of Science" reconstructs the scholarly biography of an outstanding Russian researcher in the field of Ancient Greek art and archaeology V. K. Malmberg. In addition, the journal includes the sections "Discussion" и "Chronicle".

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. Е. Щелинский, М. Ю. Лунёв, Е. В. Кузнецов. Новые исследования раннепалеолитического местонахождения Игнатенков Куток на р. Псекупс в предгорьях Северо-Западного Кавказа 9

А. Д. Резепкин, М. А. Кулькова. Сравнительный анализ керамики из поселений майкопской и погребений новосвободненской культур по данным петрографических исследований 24

Л. Б. Кирчо. Антропоморфные статуэтки периодов позднего энеолита и ранней бронзы из раскопок В. И. Сарианиди на Улуг-депе (Южный Туркменистан) 41

Л. С. Ильюков. Повозки катакомбной культуры из Донского могильника на левобережье Нижнего Дона 49

Н. С. Мясников, Л. А. Вязов, Н. Н. Скакун, В. В. Терёхина, Е. П. Михайлов. Петроглиф из Иваньково-Ленинского городища Шолм в Среднем Посурье 63

И. Ю. Шауб. К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея 73

М. Е. Килуновская, П. М. Леус. Знаки-тамги улуг-хемской культуры II–I вв. до н. э. в Туве 82

В. А. Лапшин. К материалам исследований В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладоге 92

С. В. Белецкий. Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях в публикациях В. В. Нечитайло 97

Ю. В. Степанова, О. В. Орфинская, В. Ю. Соболев. Курганные могильники у д. Кошево и пос. Волга (Тверская область): история изучения и материалы раскопок 125

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В. А. Горончаровский. «Сын античной мудрости…» (В. К. Мальмберг) 140

ДИСКУССИЯ

А. Ю. Скаков. К вопросу о местонахождении Фасиса, расселении гениохов и локализации кораксов 153

ХРОНИКА

В. В. Гаевская, З. Г. Гайдакова. «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках»: краткие результаты работы Всероссийской археологической конференции (1–5 октября 2018 г., г. Сургут) 166

AD MEMORIA

Дж. Ф. Хоффекер. Деннис Дж. Стэнфорд (1943–2019) 171

Список сокращений 174

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

V. E. Shchelinsky, M. Yu. Lunev, E. V. Kuznetsov. New works at the Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok on the Psekups river, in the foothills of the Northwestern Caucasus 9

A. D. Rezepkin, M. A. Kulkova. Comparative analysis of pottery from the settlements of the Maikop culture and the burials of the Novosvobodnaya culture, with particular reference to the results of petrographic studies 24

L. B. Kircho. Late Eneolithic and Early Bronze Age anthropomorphic statuettes from V. I. Sarianidi's excavations at Ulug-depe (South Turkmenistan) 41

L. S. Il'yukov. Catacomb culture wagons from the Donskoy cemetery on the left bank of the Lower Don 49

N. S. Myasnikov, L. A. Vyazov, N. N. Skakun, V. V. Terekhina, E. P. Mikhailov. Petroglyph from the Sholm hillfort of Ivan'kovo-Lenino in the Middle Sura region 63

I. Yu. Schaub. Towards the interpretation of the Dionysian images on Panticapaeum coins 73

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus. Tamga-like symbols of the Ulug-Khem culture of the II–I cc. BC in Tuva 82

V. A. Lapshin. Materials from V. I. Ravdonikas's excavations at Zemlyanoe gorodishche of Staraya Ladoga 92

S. V. Beletsky. Old Russian princely symbols on seals published by V. V. Nechitailo 97

Yu. V. Stepanova, O. V. Orphinskaya, V. Yu. Sobolev. Barrow cemeteries near the Koshevo village and the Volga township (Tver oblast): excavated materials and history of research 125

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

V. A. Goroncharovsky. «Son of Antique wisdom…» (V. K. Malmberg) 140

DISCUSSION

A. Yu. Skakov. Towards the questions of the location of Phasis, the dispersal of Heniochi and the whereabouts of Koraxoi 153

CHRONICLE

V. V. Gaevskaya, Z. G. Gaidakova. «Archaeology of the North of Russia: Yugra — the County of Novgorod the Great in the XI–XV centuries»: brief results of the All-Russia archaeological conference (October 1–5, 2018, Surgut).....166

AD MEMORIA

J. F. Hoffecker. Dennis J. Stanford (1943–2019).....171

List of abbreviations.....174

ДИСКУССИЯ

К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ФАСИСА, РАССЕЛЕНИИ ГЕНИОХОВ И ЛОКАЛИЗАЦИИ КОРАКСОВ[1]

А. Ю. СКАКОВ[2]

Ключевые слова: *ранний железный век, античность, письменные источники, Колхида, Кавказ.*

В статье анализируются некоторые новые работы филолога В. Т. Мусбаховой, затрагивающие тематику истории Восточного Причерноморья в эпоху античности. Делается вывод о недостаточной фундированности сделанных исследователем выводов и выборочном использовании источников. В результате попытка переноса географических названий (Фасис) и этнонимов (кораксы и т. д.) с восточного берега Чёрного моря в Прикубанье и во внутренние районы Западного Кавказа оказалась неудачной.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-153-165

Вот уже десятилетие как и я, и некоторые мои коллеги-археологи с большим вниманием отслеживаем работы филолога-античника Виктории Талгатовны Мусбаховой. Некоторые из них напрямую затрагивают проблематику истории Западного Кавказа в эпоху раннего железного века, касаются вопросов локализации местных племен, известных по данным письменных источников, предоставляют серьезную почву для размышлений о парадоксах отражения местных кавказских реалий в античной письменной традиции. Отметим, в частности, обоснованную увязку «Синдской расселины» Гиппонакта и упоминаемой Страбоном пещеры, в которой Афродита Апатура с помощью Геракла истребила гигантов (Мусбахова 2014б).

К сожалению, археологи, специализирующиеся на тематике Кавказа в эпоху раннего железа, как правило, редко обращаются к данным письменных источников и к работам филологов, анализирующих их с помощью доступного им инструментария. Удачные примеры таких исследований, опирающихся на синтез доступных источников и выходящих за рамки собственно археологии, чуть ли не единичны. Некоторые же попытки синтеза археологических, сугубо исторических и филологических источников оказываются, по заключению специалистов, не совсем удачными. Как в свое время заметил С. В. Кулланда, рецензируя фундаментальную книгу А. И. Иванчика «Накануне колонизации» (2005), «при чтении монографии нельзя

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00293А «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы — раннего железа».

[2] Отдел археологии бронзового века, ИА РАН, г. Москва, 117292, Россия.

не задуматься над вопросом, <…> можно ли стать скифологом (если не считать чистую археологию), не владея в полной мере иранским материалом» (Кулланда 2008: 210). Но можно ли стать скифологом (или специалистом по древней истории), поверхностно владея археологическим материалом? В результате филология и археология идут как бы параллельными курсами.

Разумеется, археолог, не обладающий багажом знаний и методологией филолога, не может самостоятельно и полноценно анализировать письменные тексты, обращаясь, как правило, к переводам. В этой связи покорно принимаю упрек В. Т. Мусбаховой в мой адрес: «А. Ю. Скаков <…> довольно поверхностно анализирует источники» (2018б: 904)[3]. К сожалению, В. Т. Мусбахова, пытаясь выйти на уровень истории и использовать письменные источники для серьезных исторических построений, делает это даже не поверхностно, а в ряде случаев по-дилетантски. Попытаемся продемонстрировать это на конкретных примерах. Моя статья с критикой некоторых построений В. Т. Мусбаховой (Скаков 2014: 156–157), видимо, осталась ей неизвестна[4].

Напомню предысторию и суть наших расхождений с Викторией Талгатовной. В работе 2009 г., совместной с Д. А. Мачинским (Мачинский, Мусбахова 2009), авторы с удивительной уверенностью и точностью локализовали на карте Причерноморья мифологические местности: преддверье Аида находилось в районе Днепро-Бугского лимана, остров Кирки (Айайэ) — к востоку оттуда и соответствует «острову Гермонасса», то есть части современного Таманского п-ова (можно задаться вопросом — а почему он не мог соответствовать нынешнему Крыму?). «Страна Айя», соответственно, должна находиться возле «айаского» острова Кирки, и это «было понятно уже Страбону» (Мачинский, Мусбахова 2009: 322). Страбону, однако, было понятно и другое: Кирка и Медея «жили далеко друг от друга (одна — в самой отдаленной части Понта, другая — в Италии)» (Strabo. I, II, 10)[5]. Здесь авторы подкрепляют свое мнение авторитетом Ю. В. Андреева: «Логично было бы предположить, что первоначально все это зловещее семейство обитало где-то в одном месте и называлось оно страной или островом Эя. Однако потом, как это нередко бывает в мифологической традиции с появлением новых сюжетных линий, пути брата и сестры (Кирки и Ээта. — *А. С.*) далеко разошлись. Кирка вместе со своим островом оказалась заброшенной на дальний (конечно, в восприятии греков) запад Средиземноморья. Ээт и подвластная ему страна Эя, наоборот, остались на дальнем востоке» (Андреев 1990: 161–162).

В результате, согласно выводу исследователей, «первичное местопребывание (остров) Кирки соседствует с Покубаньем (Фасис, Айа, меоты, Скифия, скифы, сарматы) и Тавридой (царь Тавриды Персей, Геката и Пантикапей), чему соответствует местоположение Таманского полуострова…» (Мачинский, Мусбахова 2009: 323). А рекой, разграничивающей Европу и Азию, была Кубань, которая носила название

[3] Странно только, что В. Т. Мусбахова в своей статье дважды именует меня только по фамилии, без инициалов (2018а: 900, 903), что не вполне соответствует традициям академической науки. Утешает только то, что в одной компании со мной лишенными инициалов оказались Л. А. Ельницкий (Там же: 902), В. В. Латышев (Там же: 905), К. П. Патканов (Там же: 908).

[4] Что несколько удивительно, так как статья доступна в интернете на нескольких ресурсах (https://elibrary.ru/download/elibrary_22422914_45331704.pdf; http://www.kavkazoved.info/news/2014/09/18/transkavkazskie-svjazi-na-zapadnom-i-centralnom-kavkaze-v-epohu-rannego-zheleza.html и др.).

[5] Используется перевод Г. А. Стратановского.

Фасис, позднее перешедшее на р. Риони. При этом, однако, Д. А. Мачинский и В. Т. Мусбахова умалчивают о том, что их концепция точной географической локализации мифологических местностей в корне противоречит подходам Ю. В. Андреева. По словам последнего, «едва ли есть надобность объяснять читателю, что сугубо фантастические события, образующие первоначальное сюжетное ядро мифа об аргонавтах, не нуждались ни в какой более или менее точной географической "привязке". Подобно скитаниям Одиссея, они происходили не в реальном пространстве, которое можно было бы хотя бы приблизительно, в самых общих чертах, воспроизвести на географической карте, а в своего рода четвертом измерении или же в неком мифологическом гиперпространстве. Как было уже замечено, в первоначальном варианте мифа плавание Ясона и его спутников имело своей конечной целью отнюдь не побережье реальной Колхиды, а некую сказочную страну Эю, расположенную (это — единственное, что может быть сказано о ее местоположении) на огромном удалении от исходной точки их путешествия, на самом краю земли, а возможно, и по ту сторону от этой черты — на другом берегу Океана, там, где древние помещали царство теней» (Андреев 1990: 172). К такой же осторожности призывал, также ссылаясь на Ю. В. Андреева, А. В. Подосинов: «нам не надо соизмерять описания Гомера с реальными географическими знаниями предполагаемого времени его жизни» (2005: 61)[6]. Как отмечал и я, «столь точное указание на расположение мифологических областей <…> не опирается на источники» (Скаков 2014: 157). Следуя этой логике, необходимо признать, что Д. А. Мачинский и В. Т. Мусбахова уверенно и точно локализовали «сказочное "тридевятое царство"» (Андреев 1990: 166) и привели целый ряд аргументов в поддержку своей точки зрения.

Рассмотрим основные аргументы авторов. Геродот, как они считают (Мачинский, Мусбахова 2009: 322), первый связывает Айю (Эю), Колхиду и реку Фасис, разграничивающую, «по мнению некоторых», Европу и Азию («Я не могу <…> догадаться, почему <…> границы установлены по египетской реке Нил и колхидской Фасис (другие называют меотийскую реку Танаис и Киммерийские переправы), ни узнать имена тех, кто произвел разграничение» — Herod. IV, 45)[7]. С этим сложно поспорить, как и с тем, что Гекатей Милетский помещает дандариев (жили к северу от устья Кубани — Каменецкий 2011: 162) в Европе, а синдов (Таманский п-ов) — в Азии. Соответственно границей между Европой и Азией он считал Кубань. Но из этого абсолютно не вытекает, что Гекатей отождествлял Кубань с Фасисом, а аргумент «поскольку в достоверно принадлежащих ему фрагментах его сочинений, относящихся к интересующей нас территории (?? — *А. С.*), называется лишь река Фасис, по которой возвращались аргонавты, то ясно, что Фасис-Кубань и была разграничивающей рекой» (Мачинский, Мусбахова 2009: 322) вряд ли можно принимать серьезно. Мне это абсолютно не ясно, так как Фасис упоминается здесь совершенно в ином контексте, не связанном с границами между Европой и Азией. От сочинения Гекатея осталось так мало, что делать подобного рода выводы нет никаких оснований.

[6] Этот же автор критически отзывается об отстаиваемом Д. А. Мачинским и В. Т. Мусбаховой «реализме черноморских деталей» (Подосинов 2015: 62), а также в целом о предложенных точных локализациях для острова Кирки, бухты лестригонов, входа в Аид: «если учесть, что Чёрное море во времена Гомера рассматривалось как открытый Океану залив, сомнительным выглядит локализация у берегов этого несуществующего моря таких реалий» (Там же: 69).

[7] Используется перевод А. И. Доватура, Д. П. Каллистова, И. А. Шишовой.

Авторы считают, что их вывод «подтверждается и прямым свидетельством Эсхила о Боспоре и Фасисе, разграничивающих Азию и Европу» (Там же). Но в сохранившемся отрывке из «Прометея освобождаемого» речь идет не о Боспоре, а только о Фасисе: «где льется Фасис, двойная грань Азийской земли и Европы» (27 (191) — Эсхил 1989: 272)[8]. Причем здесь Боспор?

Еще один аргумент: «взгляд на карту убеждает, что текущая вдоль предгорий Кавказа полноводная Кубань куда больше подходит на роль границы Азии и Европы, чем речушка Фасис-Риони и ее окрестности, уничижительно описанные Гиппократом» (Мачинский, Мусбахова 2009: 322). Подобное субъективное и пренебрежительное отношение к знакомой авторам, очевидно, только по картам р. Риони (длина — 327 км) не может не удивлять. Описание Псевдо-Гиппократа настолько фантастично, что вряд ли может быть применимо к уже хорошо тогда известному Фасису (Риони): «фасиане резко отличаются своею наружностью от остальных людей. Они высоки ростом и чрезвычайно тучны; в их теле не заметно ни сочленений, ни жил» и т. д. (De aëre, 22)[9]. Напротив, по словам Аполлония Родосского, «Фасис бурливый в море несет широкие воды» (II, 399), «приплыли герои к широководному Фасису, Понта конечным пределам» (II, 1252–1253)[10]. Вполне уважительно отзывается о Фасисе и Плиний Старший: «самая прославленная [из рек] Понта — Фасис. Он берет начало [в стране] мосхов, судоходен для наиболее крупных судов на 38,5 мили [от устья], затем на значительном расстоянии для малых судов» (VI, 12–13)[11].

Кроме того, напомним, что по Куре (а не по Араксу) и далее по Фасису шел так называемый Великий индийский путь (различные исследователи называют его поразному), сформировавшийся в эпоху эллинизма (Ртвеладзе 2012). И о нем также пишет Плиний Старший: Варрон «добавляет, что во время похода Помпея было установлено, что в [страну] бактров из Индии доходят за семь дней до реки Бактр, которая впадает в Окс, а из нее, добравшись через Каспий до [реки] Кир, сухопутным путем, занимающим не более пяти дней, можно довезти индийские товары до Фасиса в Понт» (VI, 52). Именно наличием такого пути объясняются, кстати, упоминания приходящих в Фасис «варваров из Индийской и Бактрийской (земли)» в анонимном перипле Эвксинского Понта (Мусбахова 2018б), и искать здесь какой-то иной смысл нет никаких оснований. Этот путь вел от Чёрного моря к Каспийскому, которое достаточно долго продолжало восприниматься как залив Океана (Джаксон и др. 2007: 76)[12], а ведь именно в Океан приплыли аргонавты из Фасиса согласно Гекатею Милетскому (Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259[13]; Джаксон и др. 2007: 35)[14]. Вполне очевидно, что река, по которой пролегал столь важный торговый путь, имела не менее оснований претендовать на роль границы между Азией и Европой, чем уводящая в незнаемые земли горных племен Кубань.

[8] Используется перевод М. Л. Гаспарова.

[9] Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947б: 295).

[10] Используется перевод Н. А. Чистяковой по: Аполлоний Родосский 2001.

[11] Здесь и далее используется перевод А. В. Подосинова, М. В. Скржинской по: Подосинов, Скржинская 2011.

[12] Вряд ли для античной традиции определяющим здесь было то, что «персы, как известно, во времена Скилака считали Каспийское море озером» (Мусбахова 2014а: 85).

[13] Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947в: 293).

[14] Впрочем, по Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259 «Гесиод говорит, что они проплыли по Фасису; а Гекатей, опровергая его, рассказывает, что Фасис не впадает в море и что они плыли не по Танаису, а тем самым путем, которым и прежде» (перевод В. В. Латышева (1947в: 294). Здесь есть явное противоречие.

Кроме того, как вполне справедливо отмечает А. В. Подосинов, «Фасис был, очевидно, древнейшей границей между Европой и Азией не в малой степени в связи с тем, что благодаря “Аргонавтике” был больше известен, чем другие реки» (2015: 74).

Остается совершенно непонятным, почему нахождение Фасиса, сообщающегося с Океаном, возле Кавказа, «соответствует представлениям эпохи, для которой Фасис аргонавтической легенды еще не стал Фасисом Колхидской низменности, каким его знали Геродот и Гиппократ» (Мусбахова 2013б: 130). Вполне очевидно, что как Кубань, так и Риони-Фасис практически в равной степени связаны с Кавказом и Главным Кавказским хребтом, с ледников которого они берут свои истоки.

Наконец, аргументом у В. Т. Мусбаховой становится и то, что в стране Айэта («божественного царя-пахаря», который запрягает огнедышащих быков, пашет, сеет, сражается с выросшими из посевов воинами) мы видим «культ сакрализованной пахоты», а он якобы «не представим в болотистых землях по нижней Риони (Фасис) и является естественным на мощных черноземах по Кубани (Фасису)» (Мачинский, Мусбахова 2009: 323). Здесь мы опять сталкиваемся с переносом современных расхожих представлений на малознакомые авторам реалии совсем иного времени и иной культуры. Необходимо напомнить, что в Колхиде, и именно в ее равнинной части, в эпоху бронзы — раннего железа земледелие находилось в расцвете, о чем свидетельствуют обширные археологические материалы, в том числе многочисленные клады бронзовых мотыг и других земледельческих орудий (количество литературы по этому вопросу огромно, например: Апакидзе 1991: 36–39). Вполне очевидно и наличие здесь в то время развитых земледельческих культов.

В дальнейшем В. Т. Мусбахова постаралась усилить свою аргументацию, предложив тезисы, «включающие разноплановую аргументацию» (Мусбахова 2014б: 91–92). Прежде всего, она продолжает утверждать, что Фасис-Риони не соответствует представлениям о реке-канале, соединяющем море с Океаном и сопоставимым с Истром (Мусбахова 2013а: 301; 2013б: 155–156). В. Т. Мусбахова и сейчас необъяснимо уничижительно относится к р. Риони: «достаточно сказать, что колхидская река Риони по своим параметрам совершенно не удовлетворяет идее канала, соединяющего внутреннее море с внешним Океаном, каким должен был представляться Фасис…» (Мусбахова 2013б: 147). Гекатей Милетский, по ее мнению, первоначально считал границей Европы и Азии Фасис-Кубань (Мусбахова 2014б: 91), а позднее «принял в качестве межконтинентальной границы Танаис» (Мусбахова 2013а: 302). Это сомнительно, так как в данном случае он не стал бы помещать дандариев в Европе. И абсолютно непонятно, почему Гекатей мог поместить в Азии два «скифских» племени — исседоны и иамы — только в том случае, если границей Азии и Европы был Танаис-Дон (Мусбахова 2014б: 89). Парадоксально, но исседоны, локализуемые восточнее Урала (Буданова 2000: 230), и иамы, связываемые с Гималаями или Алтаем (Там же: 222), в любом случае оказываются в глубинах Азии. Все предположения о связи в тот или иной период времени названия Фасис с Кубанью-Гипанисом (он же, у Страбона, Антикит, Ахардей, Мермод — следуя за И. С. Каменецким 2011: 156–157) или Доном-Танаисом остаются более чем гипотетическими. Показательно, что у В. Т. Мусбаховой эта недоказанная гипотеза по ходу изложения превращается в установленный факт (например: Мусбахова 2014б: 91 и т. д.). То же самое происходит у исследовательницы со спорным тезисом о проживании малоизвестных хариматов в Приазовье (традиционно их локализуют на южном побережье Чёрного моря): на следующей странице это становится аксиомой — «благодаря положению хариматов в глубине материка, они вполне оказываются соседями также и яксаматов» (Мусбахова 2018а: 893)

Следующий довод исследовательницы не может не удивить: «Народом колхов у него (у Гекатея Милетского. — *А. С.*) названы кораксы, соседствующие с колами <…>, а последние, в свою очередь, локализуются в предгорьях Кавказа <…>. И если исходить из того, что где колхи, там и Колхида, последняя оказывается вблизи Фасиса-Кубани, в Прикубанье» (Мусбахова 2013а: 302). Если кораксы Гекатея соседствуют с колами, а колы живут у Кавказа и Коликийские горы являются предгорьями Кавказа, то кораксы, по мнению В. Т. Мусбаховой, должны находиться вблизи Северного Кавказа (2013б: 158). Очень странная логика. Минимальных познаний в географии и здравого смысла достаточно для того, чтобы предполагать наличие «предгорий» у любого горного хребта по обе стороны от него, то есть если брать Главный Кавказский хребет как к северу, так и к югу от него. Иными словами, населенные колами предгорья могли находиться (и, очевидно, находились) в Закавказье, не имея никакого отношения к Кубани.

Наличие амазонок в Колхиде (Мусбахова 2013а: 302), что якобы «невозможно для Риони» (Мусбахова 2014б: 78), также не аргумент, женщин-воительниц письменная традиция фиксирует как у берегов Меотиды, так и на южном берегу Чёрного моря (Фемискира и Фермодонт), а также в низовьях Нила. Если сын Гелиоса Ээт владел колхами и меотами, то это совершенно не означает, что колхи жили рядом с меотами на Северо-Западном Кавказе (Мусбахова 2013а: 302), а для мифологической традиции, разумеется, эти племенные образования вполне могли считаться смежными. То же самое касается и вывода о том, что, если «народ» кораксов «тесно ассоциировался» в сознании нескольких ученых авторов с «народом» синдов, это говорит о географической близости синдов и кораксов (Мусбахова 2018а: 891). Во-первых, это говорит о том, что и с синдами, и с кораксами были связаны близкие по смыслу обсценные ассоциации, а во-вторых, и те, и другие проживали хотя и не рядом друг с другом, но на одном побережье Чёрного моря и, очевидно, находились в постоянных контактах.

Столь же уязвимы и другие аргументы. Но более чем удивление вызывает следующий тезис: «в повествовании Аполлония аргонавты сначала видят горы, к которым прикован Прометей, и даже орла, летящего, чтобы его терзать, и лишь затем прибывают в Колхиду на Фасис» (Ap. Rhod. 2. 1247–61). Подобная ситуация наблюдается и у Софокла в одном из фрагментов трагедии «Колхидянки»: говорящий (Медея) спрашивает, видимо, аргонавтов, видели ли они (точнее, узнали ли они) Прометея (Fr. 340R). Здесь также предполагается, что аргонавты видели его по дороге в Колхиду, то есть прежде, чем туда приплыли. Наиболее естественный способ интерпретации этих свидетельств — это допущение, что они также восходят к представлению о Колхиде на Северном Кавказе. И здесь же в примечании: «В противном случае они должны восходить к представлению о том, что аргонавты плыли в царство Ээта вдоль северного берега Понта» (Мусбахова 2013а: 302–303). Удивительная логика, объясняемая, вероятно, тем, что автор излишне доверяет картам с их расстояниями и высотами, а сама ни разу, к сожалению, не плыла по Чёрному морю на судне того или иного типа (например, на пароме) из Трабзона в Сочи или в Сухум. В противном случае В. Т. Мусбаховой было бы известно, что в ясную погоду горы Большого Кавказа (на которых и находился прикованный Прометей) видны почти что из Трабзона при отплытии судна, и лишь во время непосредственного приближения к цели пути взгляду открываются низменные берега Колхиды. Таким образом, никакого противоречия здесь нет, и аргонавты плыли в Колхиду единственно возможным путем, немного отдалившись от берега, вдоль него.

«Политию фасиан», в которой говорится о переселении милетян на землю гениохов, автор связывает с Диоскуриадой (район современного г. Сухум), как будто бы не зная о существовании античного полиса Фасис (у которого известен даже ойкист — милетянин Фемистагор) в устье одноименной реки, которую имеющиеся источники этого времени уж никак не позволяют связать с Кубанью. Да, античный Фасис до сих пор археологически не идентифицирован, но не найдены пока что и Диоскуриада, и «Великий Питиунт», и Нитика (Триглит), то есть более-менее надежно идентифицирован только Гиенос (соответствующий, по нашему мнению, Кикну Помпония Мелы). Абсолютно непонятным остается и утверждение, что у Псевдо-Гиппократа в отрывке о Фасисе речь идет о городе и эмпории (?) местных жителей — колхов, а не милетян, как будто греческие колонисты не могли использовать лодки для перемещения (Мусбахова 2013а: 303–304). Напомним слова Псевдо-Гиппократа: «Что касается до местностей по Фасису, то страна эта болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года бывает много сильных дождей. Люди проводят *свою* жизнь в болотах, их деревянные или тростниковые хижины построены на воде; они мало ходят пешком, *только* в городе или на рынке, а *обыкновенно* разъезжают на однодеревках вверх и вниз по каналам, которых там множество» (De aëre, 22)[15].

Вообще, как представляется, В. Т. Мусбахова считает Фасис несуществовавшим городом: данные по нему отнесены к Диоскуриаде, а представление о Фасисе, куда сходятся шестьдесят народов, пользующихся разными языками, указывает на его смешение с Диоскуриадой, куда сходилось 70 разноязычных народов (Мусбахова 2018а: 895). Неужели, по мнению автора, этноязыковая ситуация в относительно близко расположенных Фасисе и Диоскуриаде не могла быть схожей?

Мимоходом затрагивается и вопрос о судьбе фиалы из Зубовского хутора с надписью, упоминающей Фасис. Конечно, эта надпись с легкостью связывается исследовательницей с Фасисом-Кубанью, тем более, что «именно этот район (Прикубанье. — *А. С.*) в отличие от закавказской Колхиды уже в архаическую эпоху стал ярко выраженной контактной зоной местной и пришлой (средиземноморской) культур» (Мусбахова 2013а: 303–304). Здесь, очевидно, можно усмотреть исключительно незнание археологического материала: греческая колонизация Восточного Причерноморья, несмотря на гораздо меньшую изученность этого региона по сравнению с Северным Причерноморьем или Прикубаньем, началась достаточно рано (относительно новый материал обобщен — см.: Высокий 2004). О массовой колонизации и основании полисов можно уверенно говорить начиная с начала — первой половины VI в. до н. э., а античная керамика появляется здесь уже в конце VII в. до н. э. (Батумская крепость, Красномаякское поселение на окраине г. Сухум) (Скаков 2013: 58–65). В VI — начале V в. до н. э. контактная зона в данном регионе уже вполне сформировалась, охватывая не только побережье, но и предгорные, и даже горные (Джантух) районы (Скаков и др. 2016).

Наконец следует итоговый вывод автора: «к концу архаической эпохи, когда граница материков была перенесена на север, на Танаис, река царства Ээта вместе с ним самим переместилась в Закавказье. Это могло быть связано с реальными перемещениями местных племен под влиянием в том числе колонизационного освоения Прикубанья» (Мусбахова 2013а: 303; 2014б: 91). Излишне, видимо, говорить о том, что никаких миграций из Прикубанья на юго-восток в это время археологически не прослеживается.

[15] Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947б: 295).

Мы переходим к вопросу о локализации древних племен Восточного Причерноморья. К сожалению, и здесь иной раз В. Т. Мусбахова демонстрирует недостаточное владение материалом письменных источников или же выборочное его использование. Например, в статье 2009 г. говорится об упоминании Гекатеем Милетским племени колов и их страны Колики в предгорьях Кавказа — «Кольских горах». По словам авторов, «позднее этот народ не упоминается» (Мачинский, Мусбахова 2009: 322–323). Но это абсолютно не так (Буданова 2000: 256). Еще с одной вопиющей неточностью мы сталкиваемся в другой работе В. Т. Мусбаховой (автореферате): «локализация колхского племени колов вблизи сев. Кавказа (Гекатей)» (Мусбахова 2010: 12). Дело в том, что Гекатей Милетский, судя по уцелевшим фрагментам его труда, нигде не связывал колов с Северным Кавказом (как и не называл их «колхским племенем»), он писал исключительно об их проживании «у Кавказа» и о том, что «подгорья Кавказа называются Кольскими горами», а «страна называется Коликою» (Фр. 186. (Jac. 209) St. Byz)[16]. Как мы уже отметили, предгорья могут быть как с северной стороны Главного Кавказского хребта, так и с южной.

Что же касается самих колов, то достаточно вспомнить Помпония Мелу: «остальной же частью побережья владеют дикие и грубые племена, расселившиеся широко вдоль моря: меланхленское [племя], торетское, шесть Колик, кораксики, фтирофаги, гениохи, ахеи, керкетики и уже в сопредельной с Меотидой [местности] — синдоны» (I, 110)[17]. А. В. Подосинов и его соавторы вполне логично предполагают: «Упоминание Шести Колик одним только Мелой предполагает, вероятно, существование шести племенных территорий, на которые делилась область, населенная колами» (Помпоний Мела 2017: 145). Далее, об области Колика говорит Плиний Старший (VI, 15). Размещение ее А. В. Подосиновым и М. В. Скржинской в районе современного Лихского хребта — водораздела между реками Курой и Риони, основано, видимо, на недоразумении (Подосинов, Скржинская 2011: 314; см. также: Мусбахова 2018а: 901–902). У Плиния Старшего она помещена севернее современной Абхазии, за «[различающимися] многими названиями племенами гениохов» (Plin. NH, VI, 14–15).

Конечно, ни о какой «искусственности» термина «Колика» (Мусбахова 2018а: 904) говорить мы не можем, исходя из нашего объема источников. Не следует думать, что Диоскуриада, основанная в стране гениохов, является неким маркером области гениохов во времена Мелы или Плиния Старшего: это репер исключительно для того времени, когда ойкист основал новый полис, то есть для VI в. до н. э., а Помпоний Мела (I в. н. э.) и его источники, вероятно, имели дело уже с новой реальностью и иной этнокартой. Если согласиться с этим и учесть некоторую перепутанность источников у Плиния (впрочем, поддающихся дробному анализу), ничего не будет указывать на «перемещение» Колик к юго-востоку от Диоскуриады-Себастополиса.

Не повезло и гениохам: по словам В. Т. Мусбаховой утверждение «Политии фасиан» о гениохах как первоначальном населении Фасиса «выглядит совершенно естественно в контексте Эи-Диоскуриады, ибо племя гениохов традиционно помещали именно в этом районе» (Мусбахова 2013а: 303). В самом деле, по словам Помпония Мелы, «в области гениохов Кастором и Поллуксом, приехавшими в Понт с Ясоном, была основана Диоскуриада» (I, 111). В земле гениохов был основан, как известно, и Фасис. Но большинство античных источников (Псевдо-Скилак, Помпоний Мела,

[16] Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947а: 300).

[17] Здесь и далее перевод А. В. Подосинова и др. по изданию: Помпоний Мела 2017.

Аппиан, Страбон, Дионисий Периэгет, Плиний Старший) «традиционно» помещает гениохов на северо-восточном побережье Чёрного моря, в крайнем случае, за Питиунтом («богатейший город Питиунт разграблен гениохами» — Plin. NH, VI, 16). Плиний Старший, кроме того, помещает гениохов и санов-гениохов в районе Апсара и Трапезунта (Plin. NH, VI, 12), а также между суанами, Понтом и ахеями (VI, 30). Здесь, безусловно, возникает некое противоречие (Скаков 2013: 32–35), но его надо пытаться объяснить, а не искусственно упрощать ситуацию, выборочно анализируя источники.

Обращаясь к кораксам, В. Т. Мусбахова, неуклонно доверяющая каждому дошедшему до нас (в большинстве случаев благодаря Стефану Византийскому) фрагменту Гекатея Милетского, неожиданно ставит под сомнение сохранившееся в передаче Стефана (Фр. 185. (Jac. 210) St. Byz.)[18] утверждение о принадлежности кораксов к колхам. На каком основании? Лишь на том, что «на основании известных греческих источников район Сочи не может быть отнесен к Колхиде» (Мусбахова 2018а: 892), которая начиналась «в районе Диоскуриады»[19] (Там же: 894)? Дело в том, что обозначения «племя колхов» или «скифское племя» (как и «гениохийские племена» — см.: Plin. NH, VI, 30), кроме узкого и вполне конкретного, могли иметь и имели собирательное значение. То есть такие определения не означают автоматического расширения Колхиды (в узком смысле) за счет земель кораксов и мосхов (Фр. 188. (Jac. 210) St. Byz.)[20] или Скифии за счет земель кораксов, халибов и самой Колхиды (подробнее см.: Скаков 2013: 26). Хотя отметим: археологические находки последнего десятилетия как раз позволяют уверенно относить район современного Сочи к исторической Колхиде, вернее, к ареалу колхидских археологических культур, входящих в кобано-колхидскую культурно-историческую общность.

Невнятный отрывок из Гелланика Митиленского (Лесбосского) (V в. до н. э.), приводимый Стефаном Византийским (V–VI вв. н. э.)[21], вряд ли может нам помочь: «выше же керкетов живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы» (Мусбахова 2018а: 892–893). Палефат (IV в. до н. э.) также в невразумительном отрывке размещает мосхов, керкетов и хариматов на южном берегу Чёрного моря (Буданова 2000: 398; Скаков 2013: 33)[22]. По крайней мере этот фрагмент с неясными пространственными индикаторами «выше/ниже» никак не может свидетельствовать о том, что «иходя из этой картины, кораксы по Гелланику оказываются обитателями внутренних районов северо-западного Предкавказья» (Мусбахова 2018а: 893).

О странной попытке «увидеть» предгорья Кавказа только с севера от хребта мы уже говорили выше, не менее странным выглядит и предположение В. Т. Мусбаховой о том, что «раз кораксы соседствовали с народом, населявшим предгорья

[18] Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947а: 300).

[19] Только слабым знанием археологического материала можно объяснить тезис В. Т. Мусбаховой «По общему мнению, Диоскуриада находилась на месте нынешнего Сухума» (2018а: 894; ср.: Там же: 902, 905). Кроме версии о ее нахождении на протяжении некоторого периода на месте Эшерского городища, в настоящее время активно обсуждается новая гипотеза, помещающая Диоскуриаду в район современного с. Адзюбжа, восточнее устья р. Кодор и юго-восточнее г. Сухум (Белинский, Иванчик 2018: 159–160). В случае, если эти исследователи правы, принципиально ничего не противоречит схеме Птолемея, атрибутрующего р. Кодор как р. Коракс (Мусбахова 2018а: 904–907).

[20] Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947а: 301).

[21] Перевод П. И. Прозорова по изданию: Латышев 1948: 329.

[22] Там же.

Кавказа (то есть с колами. — *А. С.*), сами они могли локализоваться выше в горах Кавказа» (Там же: 892). Кораксам вообще, можно сказать, «повезло» с количеством противоречивых и необоснованных локализаций, причем, как правило, в горной местности, вдали от моря. Их помещали в Бзыбском ущелье, в районе Цебельды, в бассейне р. Гумисты севернее современного Сухума (подробнее см.: Скаков 2013: 29–30). Проблема не только в произвольности локализаций, вопрос в том, что исследователи весьма часто (и В. Т. Мусбахова — здесь не исключение) с одинаковых позиций анализируют периплы (описания морского побережья) и периэгесы (описания известных земель). Вполне очевидно, что автор перипла не ставил себе задачу дать информацию об обитателях горных ущелий.

Стремление В. Т. Мусбаховой отправить кораксов во внутренние горные районы Кавказа неизбежно вступает в противоречие с данными источников: они видят кораксов на северо-восточных диких берегах Чёрного моря, в компании с ахеями и гениохами, среди морских разбойников и пиратов. Автор опять же выдает свою гипотезу за аксиому: есть «образ пастушеского народа, обитающего в горном Прикубанье, который складывался из рассмотренных выше свидетельств», и эта картина плохо согласуется с «компанией разбойничьих племен» (Мусбахова 2018а: 894). И далее, приняв гипотезу за аксиому: «наши самые ранние свидетельства о кораксах — Гекатей, Гиппонакт и Гелланик — с большой вероятностью указывают на горное Прикубанье как на место обитания кораксов» (Там же: 897). Извините, не указывают. Ни слова об этом в этих источниках нет. Читаем далее: «кораксы во времена Страбона продолжали заниматься овцеводством, а значит, обитали где-то во внутренних районах Северного Кавказа» (Там же: 898). На каком основании делаются такие выводы?

Тут же предлагается объяснение противоречиям в источниках, и, отметим, никаких исторических или археологических подтверждений оно не требует: «на побережье оказалась часть кораксов, тогда как остальные продолжали вести традиционный образ жизни где-то во внутренних районах северо-западного Предкавказья» (Там же: 894–895). Все решается очень просто: «возможно, что часть кораксов занимала в это время и какие-то прибрежные территории, или же они оказались там во второй половине IV в. до н. э., когда был создан перипл Псевдо-Скилака и “Метеорологика” Аристотеля» (Там же: 897). В результате стремления примирить различные источники кораксы становятся обитателями не только «горного Приэльбрусья», но также некоторых регионов «Покубанья» (??) и районов к юго-востоку от Диоскуриады (Там же: 909). Можно сказать, что кораксы повторяют судьбу гениохов и распространяются, даже вне воли исследователя, на весь Западный Кавказ.

В связи с древними кораксами В. Т. Мусбахова выходит далеко за рамки не только филологии, но и древней истории. О правомочности сближения названия «кораксы» с появляющимся только в XVII в. этнонимом «карачаевцы» («мое предположение состоит в том, что имя карачаевцев возможно связать с древними кораксами»: Мусбахова 2018а: 912) предоставим судить, в первую очередь, лингвистам[23] и специалистам по истории позднего средневековья. По нашему мнению, это пример типичной «народной этимологии» («этруски — это русские» и т. д.). Не соответствует действительности утверждение В. Т. Мусбаховой об «отсутствии понятной

[23] Оставим им же разбор абсолютно голословного утверждения В. Т. Мусбаховой о том, что к названию «Фасис», «точнее его туземному варианту, вероятно, восходит адыгейское название Кубани Псыж (Psyzh), впервые зафиксированное в нартском эпосе» (Мусбахова 2014а: 91).

этимологии имени и места обитания карачаевцев» (Там же: 912). Сошлемся только на одну из новейших работ (Шумкин 2019: 18–33, 62–83). Карачай — не более чем одно из тюркских обществ в горах Центрального Кавказа (сначала жило по р. Архыз, затем переместилось в долину р. Баксан, потом, в XVII в., в Эльтаркач и Боргустан и, наконец, в верховья р. Кубань), в качестве наименования которого использовалась фамилия (имя) владельца (Карача или Карча). А «практика употребления княжеской фамилии в качестве названия общества была в горах практически повседневной» (Там же: 23). Только после советизации Северного Кавказа и образования национальных округов среди горского тюркского населения началось формирование единых представлений об идентичности. При этом утвердившиеся в качестве объединяющих этнонимов названия самых крупных обществ предназначались преимущественно для внешнего употребления. Для самих же «жителей горских обществ заменой общей этнонимии мог служить лишь географический термин *таулы* (“таустанец”), либо же аланские этнонимы, бытовавшие в виде пережитка старого золотоордынского административно-территориального деления Кавказа» (Там же: 33).

Одним из аргументов В. Т. Мусбаховой при идентификации этнонимов кораксов и карачаевцев является распространенное среди карачаевцев высокоразвитое овцеводство, сближаемое с «кораксийской накидкой» Гиппонакта («кавказская бурка»?), и высококачественная «кораксийская шерсть», упоминаемая Иоанном Цецем (Мусбахова 2018а: 887–889, 913). Аргументация несколько наивная, поскольку овцеводство получило широкое развитие у всех горских народов Западного Кавказа. К примеру, «овцеводство и козоводство составляли преимущественные скотоводческие занятия абхазов», овцы «играют очень важную культовую роль. Абхазы продолжают считать овцу “райским”, “любимым богом” животным» (Смыр 2012: 144, 147). Свидетельством высокого уровня скотоводства (мелкого рогатого скота) у древнего населения Абхазии в эпоху раннего средневековья являются, например, хорошо известные многочисленные «ацангуары» — постройки с оградками на альпийских пастбищах. Разумеется, по климатическим условиям овцеводством преимущественно занимались жители гор и предгорий, а не равнин и побережья. Но стоит ли ждать, при нежелании синтезировать данные филологии, истории и археологии, еще и привлечения данных этнографии?

В результате анализа ряда работ В. Т. Мусбаховой, непосредственно затрагивающих проблематику древней истории Восточного и Северного Причерноморья, к сожалению, приходится признать, что вывод, сделанный мною в 2014 г., остается в силе: «Подобные филологические штудии на фоне незнания археологического материала, пренебрежения неугодными источниками и своеобразных представлений о географии вряд ли могут нас удовлетворить» (Скаков 2014: 157).

Литература

Андреев 1990 — *Андреев Ю. В.* Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. 224 с.

Апакидзе 1991 — *Апакидзе Д. Б.* Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 208 с.

Аполлоний Родосский 2001 — *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / Издание подготовила Н. А. Чистякова. М.: Ладомир; Наука, 1991. 237 с. (Литературные памятники).

Белинский, Иванчик 2018 — *Белинский А. Б., Иванчик А. И.* К вопросу о греческой колонизации Северной Колхиды и локализации Диоскуриады в архаический и классический периоды // Кочкаров У. Ю. (ред.). Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения: ММНК. Карачаевск, 2018. С. 159–160.

Буданова 2000 — *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 544 с.

Высокий 2004 — *Высокий М. Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 399–424.

Джаксон и др. 2007 — *Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. 360 с.

Доватур и др. 1982 — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1982. 456 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Каменецкий 2011 — *Каменецкий И. С.* История изучения меотов. М.: Таус, 2011. 384 с.

Кулланда 2008 — *Кулланда С. В.* Scythica obsoleta // ВДИ. 2008. № 1. С. 204–210.

Латышев 1947а — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1 (XIX). С. 253–316.

Латышев 1947б — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2 (XX). С. 249–332.

Латышев 1947в — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3 (XXI). С. 235–315.

Латышев 1948 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 3 (25). С. 217–330.

Мачинский, Мусбахова 2009 — *Мачинский Д. А., Мусбахова В. Т.* Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // Зуев В. Ю. (ред.). Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: ММНК. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 319–355.

Мусбахова 2010 — *Мусбахова В. Т.* Сравнительно-историческое изучение текста и проблемы авторства (на материале трагедии «Прометей Прикованный»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2010. 20 с.

Мусбахова 2013а — *Мусбахова В. Т.* Комплекс античных свидетельств о локализации царства Ээта в Прикубанье // Марченко И. И. (ред.). Шестая международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 301–306.

Мусбахова 2013б — *Мусбахова В. Т.* Прометей прикованный: Проблема авторства и датировки трагедии. СПб.: Нестор-История, 2013. 388 с.

Мусбахова 2014а — *Мусбахова В. Т.* В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии: По материалам XVII чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г. и XVIII чтений памяти Анны и Д. А. Мачинских (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 75–92.

Мусбахова 2014б — *Мусбахова В. Т.* Об одной боспорской реминисценции Гиппонакта // Казанский Н. Н. (ред.). ИЯКФ — XVIII: Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2014. С. 340–354.

Мусбахова 2018а — *Мусбахова В. Т.* Два свидетельства о кораксах в Анонимном перипле Эвксинского Понта // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.). Боспорский феномен. Общее и

особенное в историко-культурном пространстве античного мира: ММНК. СПб.: Изд.-полиграф. центр СПб ГУ промышленных технологий и дизайна, 2018. Ч. 2. С. 157–166.

Мусбахова 2018б— *Мусбахова В. Т.* Кораксийская накидка у Гиппонакта и кораксы Гекатея // Казанский Н. Н. (ред.). ИЯКФ — XXII (2): Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2018. С. 887–918.

Подосинов 2015 — *Подосинов А. В.* Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.: Языки славянских культур, 2015. 200 с.

Подосинов, Скржинская 2011 — *Подосинов А. В., Скржинская М. В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Помпоний Мела 2017 — *Помпоний Мела.* Хорография / Подосинов А. В. (ред.). Античная библиотека. Латинская серия. Т. 2. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 512 с.

Ртвеладзе 2012 — *Ртвеладзе Э. В.* Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.

Скаков 2013 — *Скаков А. Ю.* Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Скаков А. Ю. (ред.). Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Т. 1. Абхазия. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 23–75.

Скаков 2014 — *Скаков А. Ю.* Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Бгажноков Б. Х., Фоменко В. А. (ред.). Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы Междунар. научно-практической конф. (г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского НЦ РАН, 2014. Ч. 1. С. 151–172.

Скаков и др. 2016 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Журавлёв Д. В.* Античный керамический импорт Джантухского могильника // Древняя Диоскуриада: Материалы конф. 4 декабря 2015 года, г. Сухум. Сухум, 2016. С. 55–71.

Смыр 2012 — *Смыр Г.* Скотоводство // Анчабадзе Ю. Д., Аргун Ю. Г. (ред.). Абхазы. 2-е изд. М.: Наука, 2012. С. 144–150 (Народы и культуры).

Шумкин 2019 — *Шумкин А. В.* Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках (проблемы этнической истории). Челябинск: Изд-во Челябинского гос. института культуры, 2019. 164 с.

Эсхил 1989 — *Эсхил.* Трагедии / Пер. Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. 592 с. (Литературные памятники).

TOWARDS THE QUESTIONS OF THE LOCATION OF PHASIS, THE DISPERSAL OF HENIOCHI AND THE WHEREABOUTS OF KORAXOI

A. YU. SKAKOV

Keywords: *Early Iron Age, Antiquity, written records, Kolkhida, Caucasus.*

The paper analyzes some recent works of philologist V. T. Musbakhova dealing with the history of the Eastern Black Sea region in the age of Antiquity. It is concluded hat V. T. Musbakhova's arguments are insufficiently substantiated and based on a selective use of evidence. As a result, her attempt to relocate the geographical names (Phasis) and ethnonyms (Koraxoi etc.) from the eastern shore of the Black Sea to the Kuban region and inner parts of the Western Caucasus has proved unsuccessful.